

Письмо

Вьюга. Метель. Ветер яростно качает и гнет к земле придорожные кусты икотника. Сухие стебли трав, еще не всюду укрытые снегом, неистово мотаются во все стороны, как бы стараясь уйти от непогоды.

В открытом поле стоит ветряная мельница и рядом с ней домик сторожа. Свирепый ветер с пронзительным свистом то и дело налетает на неподвижные крылья мельницы. И тогда над крышей сторожки высоко поднимается седая грива снежной пыли.

Уже ночь.

В домике сторожа – трое: сам сторож мельницы дед Эрхип, колхозный пчеловод дед Лаврась и пожилая супруга дядюшки Касьяна – колхозница Кулине.

Седобородому Эрхипу не менее 75 лет. Пчеловод Лаврась тоже, пожалуй, в этом же возрасте. А тетушке Кулине немногим больше пятидесяти. Она опрятно и чистенько одета и рядом со стариками выглядит почти молодой.

От нечего делать тетушка Кулине прилегла на нары возле печки. Но ей не спится. Она беспокойно ворочается с боку на бок. К тому же у нее неважное настроение. Весь вечер, вспоминая о своей прошедшей молодости, она пыталась разговориться с колхозным пчеловодом, но строгий и сухой старик Лаврась почему-то не поддержал ее разговора.

В сторожке жарко. Непрерывно топится печка. Люди, притихшие и разомлевшие от тепла, слушают, как за оконцем и в трубе завывает ветер.

В переднем углу сторожки, там, где когда-то висела икона, поблескивает диск репродуктора. И вот теперь по радио начинают передавать легкую, должно быть, танцевальную музыку.

Время позднее – уже миновала полночь.

Колхозный пчеловод дед Лаврась притулился на полу возле печки и в такт музыки постукивает пальцами по полену. Дед Эрхип сидит на лавке у оконца и, молча, покуривает трубку.

Подбросив полено в печку, дед Лаврась бормочет, поглядывая на Эрхипа:

– Не дело, не дело так поступать...

Дед Эрхип упорно молчит. Лаврась, бросая на него недовольные взгляды, снова говорит:

– Не дело, Эрхип, так с людьми поступать... Ты ответь мне – когда я пришел к тебе на мельницу?

– Ты пришел сюда после обеда, – спокойно отвечает дед Эрхип.

– Правильно! – подтверждает Лаврась. – Пришел я к тебе после обеда и до сих пор не могу зерно смолоть. А у меня дома спешка, понимаешь? Хозяйство и прочее. Да и хозяйка нетерпеливо меня ждет... Разве это порядок столько времени понапрасну людей держать?

Показав глазами на оконце, залепленное снежной крупой, дед Эрхип неторопливо говорит:

– А что я могу, Лаврась? Не от меня непогода зависит. Ты погляди, какой сумасшедший ветер...

Лаврась отлично понимает, что дед Эрхип прав, тем не менее ему досадно, что потерял весь вечер и поэтому он снова бубнит:

– Нет, не дело это, Эрхип. Пришел я к тебе на мельницу еще засветло. Думал, что ты мне быстренько смелешь зерно. Так нет, нарвался на такую канитель. Уже столько времени без толку сижу в твоей норе. А у меня, пойми, дома ужин стынет. Да ты представляешь себе, что скажет мне моя старуха, когда я вернусь домой?

Эрхип продолжает молча покуривать трубочку. Такое невозмутимое спокойствие ответственного работника мельницы начиняет уже немного сердить пчеловода. Желая уколоть Эрхипа, он говорит ему:

– Порядка у тебя нет, Эрхип. Вот почему у тебя так происходит. Ты нарочно зайдешь ко мне на пчельник. Погляди, как там у меня каждая пчела работает. Нет, она не позволит устроить себе такой длинный перерыв, какой устраиваешь ты...

– Пчелы-то тут при чем? – спокойно спрашивает Эрхип. Пчеловод Лаврась, конечно, понимает, что пчел он напрасно приплел к разговору, но теперь ему уже трудно остановиться и он с жаром, но путано восклицает:

– Пчелы бы тебя... они черт знает, что сделали бы с тобой, но заставили бы работать, как полагается!

Эти несправедливые слова задевают Эрхипа за живое и он, вынув трубочку изо рта, с достоинством произносит:

– Против непогоды и твои пчелы не в силах справиться со своими обязанностями.

– Не скажи! – с горячностью возражает пчеловод. – В любую погоду они находят себе труд и не сидят сложа руки... Они все понимают... И в особенности не любят нетрезвых людей... Ну те, попробуй, сунься к ним в нетрезвом виде...

Тетушка Кулине, приподнявшись на нарах, говорит:

– Конечно, нетрезвый человек – беспомощный против пчелы. Он может потеряться, если они на него нападут.

Продолжая горячиться, Лаврась говорит, поглядывая на белую бороду Эрхипа:

– На любого человека они нападут, который без толку слоняется с трубочкой возле них...

Желая приостановить энергичное наступление пчеловода, дед Эрхип переводит разговор на другое. Он говорит Лаврасю:

– Вот и на собрании ты меня бранил неизвестно зачем... Подбросив полено в печку, Лаврась пылко спрашивает Эрхипа:

– А разве на собрании я неправду сказал?! Я что сказал на собрании? Вот, говорю, дельные люди ушли на фронт, а мы, оставшиеся, валяем дурака. Не можем до сих пор провести свет на мельницу. У сеперельцев, говорю, есть свет на мельнице, а у нас, говорю, сторож Эрхип сидит как сыч в темноте... Вот после моих слов тебя, Эрхип, и взяли "на буксир". Провели тебе свет. Худо ли?

– А что такое "буксир"? – спрашивает тетушка Кулине, снова приподнявшись на нарах.

Лаврась поясняет, поглядывая на Эрхипа:

– "Буксир" – это когда тянут отстающих и прочих таких, которые без толку слоняются.

Дед Эрхип, смутившись, подходит к оконцу и всматривается в белую муть ночи.

– Ветер – не человек, ему не прикажешь, – бормочет он. – Я бы и рад, Лаврась, смолоть твоё зерно, но ты гляди, что в поле делается.

И верно – ветер еще более усилился. Он неистово бьет в стены и в оконце. И теперь одинокая сторожка дрожит, как лодка под ударами волн.

Лаврасю хочется заглазить свои несправедливые слова и поэтому он больше ничего не говорит. Молча сидит возле печки.

По радио передают теперь лирическую музыку. Слышатся нежные трели соловья и задушевные девичьи песни. Лаврасю трудно слышать эти безмятежные звуки, и он снова начинает бормотать:

– Главное, спешка у меня, Эрхип... Хозяйство и прочее... Я тороплюсь, понимаешь?... А тут зря приходится сидеть в твоей дыре... Музыка приходится слушать...

Но вот радио неожиданно запнулось. Музыка прервалась. В репродукторе что-то затрещало, а потом вдруг четко заговорил диктор:

"...Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик... За проявленную храбрость и отвагу при форсировании Днепра южнее Киева – лейтенанту Сироткину... Ивану Петровичу... Присвоить звание... Героя Советского Союза..."

Наступила минутная тишина. Трубка деда Эрхипа с глухим стуком упала на пол. Тетушка Кулине торопливо вскочила с нар.

– Боже ж мой! – сказала она, почти задыхаясь. – Ведь это же наш Ваня Сирота, а?.. Дедушка Эрхип, кум Лаврась, ведь это же про нашего Ваню Сироткина было сказано!

Дед Эрхип поднял трубочку с полу и негромко сказал:

– Да, это они про нашего Ивана Петровича сказали. Он как раз сейчас лейтенантом в армии.

Дед Лаврась ничего не сказал. Поднявшись, он спокойно сел к столу и с достоинством посмотрел на Эрхипа и на тетушку Кулине. Казалось, что эта неожиданная весть о земляке нисколько его не удивила. Дескать, а что тут такого? И как могло быть иначе? Однако у Лаврася дрожали руки, и это показывало, что он-таки сильно волнуется.

Тетушка Кулине снова воскликнула:

– Значит, и в самом деле наш Ваня Сироткин стал героем?!

– А то кто же, если не он, – спокойно ответил дед Лаврась, торопливо выгребая из своего кармана клочки каких-то бумаг. – Ведь он и до войны работал у нас, как полагается, не сидел, сложа руки...

Теперь каждому захотелось что-нибудь сказать о герое и все трое, перебивая друг друга, заговорили почти одновременно:

– Молодец... Вот тебе простой чувашский парень... Не опозорил нашу родную Мурзыель... Еще мальчиком он отличался от других... Да, он и тогда был боевой... Ну так ведь доброго коня и по жеребенку можно узнать... Ух, молодец!.. Да уж теперь он Герой Советского Союза... Теперь вся страна будет знать имя Ивана Петровича Сироткина...

Наконец первое волнение улеглось и дед Лаврась, сидя за столом, задумчиво сказал:

– Приедет наш Ваня Сироткин в Москву за золотой звездочкой, а ему там скажут: "А-а, это вы, Иван Петрович? Ведь вы, кажется, из деревни Мурзыель?"

Дед Эрхип, закурив трубочку, несмело заметил:

– Ну, нашей-то деревней ему не особенно можно будет хвалиться.

– А почему нет? – горячо возразил Лаврась. – Сегодня, допустим, нечем гордиться, а завтра будет чем! Ведь мы работаем как полагается. Не сидим сложа руки. Не каждый вечер без дела находимся.

Виновато поглаживая свою бороду, дед Эрхип негромко сказал, поглядывая на оконце:

– Без толку иной раз теряем вечера...

– Не от тебя ветер зависит! – твердо произнес Лаврась. Вмешавшись в мужской разговор, тетушка Кулине добавила, обращаясь к Лаврасю:

– Ведь не дедушка Эрхип погодой распоряжается.

– Вот именно! – еще тверже сказал Лаврась.

Эти их слова окончательно взволновали Эрхипа. Радость засветилась на его лице и он, подойдя к столу, торопливо сказал:

– Надо подать тилиграм Ивану Сироткину... Сейчас я бумагу принесу...

– Есть, есть у меня бумага, – пробормотал Лаврась, перебирая какие-то клочки, вынутые из кармана.

– Погоди, я тебе свежей бумаги дам.

Порывшись в своих вещах, дед Эрхип положил на стол несколько больших листов бумаги. Лаврась твердо сказал:

– В телеграмме многого не напишешь. Тут надо письмо писать Ивану Петровичу Сироткину. Садитесь рядом со мной и подсказывайте мне, если я что позабуду.

Эрхип и тетушка Кулине присели за стол. Лизнув карандаш, Лаврась принялся старательно писать. В первых строчках письма он поздравил Сироткина от имени всех колхозников деревни Мурзыель. И затем перешел к описанию деревенских новостей. Он писал неторопливо, бормоча вслух:

"...Петр вышел в докторы. А известные тебе сыны Хилипа – все трое пошли на войну... Корова жены Романа принесла двух телят... А еще силами колхоза мы выстроили двухэтажную школу... Электрическую станцию все еще не можем пустить в ход, так как рабочих рук маловато. Да и лошадей меньше стало... Насчет света мы в данное время на буксире у сеперельцев..."

Часа через два несколько листов бумаги были заполнены, но до конца письма было еще далеко. Все новые и новые колхозные сведения мешали Лаврасю приблизиться к концу.

Наконец, тетушка Кулине жалобно сказала:

– Немножко и о нас надо бы написать. А то бумаги не хватит.

– Сейчас и к вашей фамилии подойду, – сказал дед Лаврась, снова лизнув карандаш.

И он опять принялся писать, бормоча:

"...Далее сообщу о семье Касьяна и его супруги тетушки Кулине. У них в этом году семья поубавилась. Их дочка, которая работала в МТС, та самая, кого мы называли красивая Аннуш, познакомилась с Микушкинским летчиком и на его аэроплане улетела на фронт..."

– Так, так, – бормотала тетушка Кулине, кивая головой. – Она теперь на фронте сестрой милосердия...

Нахмурившись, Лаврась писал:

"Уж не знаю, правильно ли она поступила. Разве у нас в деревне нет своих парней? Взять, например, Григорьева Хилипа. Чем он плохой парень? Он один убил десять фашистов и получил две медали. И его портрет на газете пропечатали... Или взять сына нашего старика Эрхипа, Васлея. Хотя он инвалид, но за год заработал 500 трудодней. Ездил в Москву, беседовал с Калининым..."

Теперь Эрхип закивал головой, бормоча:

– Ездил мой сынок к Калинину... Беседовал с ним...

Лаврась, еще строже нахмурившись, писал:

"...И если все работающие девушки из нашего колхоза будут выходить замуж на сторону, то нам нет интереса от этого. Поэтому поступок Аннуш меня обидел. К тому же в нашей деревне есть и свои хорошие летчики. Например, оба сына Таниле еще с прошлой осени летают на аэропланах. Да еще, говорят, Микулай и Якку тоже на фронте в летчики пошли..."

– Это правильно, – подтвердил дед Эрхип. – У нас и свои в избытке имеются.

Тетушка Кулине, вздохнув, сказала:

– Я говорила ей, но она меня не послушалась.

В сторожке давно уже погасла печка, но старики, погруженные в сочинение письма, не заметили этого.

Дед Эрхип неподвижно сидит за столом и, не отрывая глаз, смотрит на руку Лаврася, вооруженную карандашом. Тетя Кулине то и дело вскакивает с места и прохаживается по сторожке, припоминая деревенские события и происшествия.

А дед Лаврась все пишет и пишет, не слушая подсказки:

"...Еще должен я немного сообщить о наших колхозных делах. В феврале месяце у нас было общее собрание. Говорили о сборе подарков для Красной Армии. Председатель колхоза, Кондрат Ефимыч, сказал нам, что сейчас все должны помогать армии и тылу. А потом он стал записывать, кто что дает. Меня же он сначала не спросил потому, что я в тот день сильно продрог и забрался на печку. Наверно он не заметил, что я лежу на печке. Но я сам ему сказал: "Это, говорю, как мне понимать, что вы меня ничего не спрашиваете и вопросов не задаете? Уж если я прилег на печку, то это не значит, что меня надо со счетов долой. Нет, говорю, хотя мне и перевалило за 70 лет, но я еще ничуть не хуже прочих людей". И тут же я сам велел председателю Кондрату Ефимычу записать на бумагу мои подарки... А что касается деда Эрхипа, то он тоже еще славно работает, так что на него любо глядеть..."

Уже наступает утро. Ветер стих. И за оконцем стало светать.

На столе перед дедом Лаврасем лежит груда исписанных листов. Однако колхозные новости еще далеко не исчерпаны. И теперь неизвестно, как надо поступить. Писать ли дальше или подводить итоги написанному. Старики и тетушка Кулине, упершись локтями о край стола, задумались.

Наконец, дед Эрхип, поглядывая на пухлую пачку исписанных листов, укоризненно оказал Лаврасю:

– Эка, сколько ты написал...

Лаврась смущенно пробормотал:

– Отчасти длинновато написано...

Тетушка Кулине сдержанно оказала:

– Такое длинное письмо не станет читать Иван Петрович Сироткин. Он же занят. На фронте. Не будет он прочитывать столько твоих листов.

Лаврась достал из кармана платок, похожий на полотенце, и, протерев свои глаза, смущенно промолчал.

Тетушка Кулине уже более энергично сказала Лаврасю:

– А, главное, дедушка Лаврась, твое письмо непонятно написано. Ну как так можно писать? То об одном, то о другом, то вдруг начал лепить, как ты на печке лежал. Зачем это? Вот и запутался в своем письме.

Оправдываясь, Лаврась неуверенно оказал:

– Не то чтобы я запутался, но уж больно много у нас колхозных новостей.

– О них надо врозь писать, – строго заметил дед Эрхип. – О каждом явлении надо писать отдельно. А ты лепил их вместе, как пчелы мед лепят.

– Вот именно, – сказала тетушка Кулине. – Надо писать, чтобы ясность была. А тут непонятно и длинно.

– погоди, – оживился дед Эрхип. – Я тебе еще бумаги дам, а ты перепиши свое марање покороче.

– Да как же покороче-то написать? – умоляюще спросил дед Лаврась. – Я же и в длинном письме не уместил все наши колхозные новости.

Эрхип строго сказал:

– А ты пиши, как в конторе – цифрами.

– Вот именно! – подхватила тетушка Кулине. – Надо писать, как в конторе. Каждый месяц у нас в канцелярии сведения составляют и каждому ясно, что там написано.

Дед Эрхип, снова порывшись в своих вещах, положил на стол еще несколько помятых листов бумаги и большой розовый конверт. И тогда Лаврась опять склонился над письмом.

Уже утро. Буран совсем утих. По мутному небу неторопливо ползут тяжелые облака.

Крылья ветряка сейчас кружатся плавно и медленно. Те-тушка Кулине, закутанная в теплую шубу, таскает на мельницу зерно. Дед Эрхип негромко покрикивает:

– Поторапливайся, тетя Кулине... Не спи на ходу...

Дед Лаврась остался в сторожке один. Согнувшись над столом, он продолжает переписывать письмо:

"...Арланов Антон – один (1). В 1942 году заработал – 420 трудодней. В 43 году – 489 трудодней. Оба его сына (2) там у вас на войне. Дочь его (1) – работает на овцеферме... Пастухов Лаврась (Я). В 1942 году – 427 трудодней. В 1943 году – 503 трудодня... Старуха моя (1) – дояркой на ферме..."

На пороге сторожки появляется дед Эрхип. Шумно вздохнув, он неуверенно спрашивает Лаврася:

– Ну как ты там? Еще долго тебе писать?

– Заканчиваю, заканчиваю! – бодро говорит Лаврась. – Уже на конверте адрес пишу. Только не знаю – будет ли достаточно написать такой адрес: "Действующая Армия. Герою Советского Союза лейтенанту И. П. Сироткину".

– Конечно, достаточно, – говорит Эрхип. – Теперь Ваню в каждом военном штабе знают. Без промедления вручат ему письмо.

Посмотрев в оконце, Эрхип торопливо говорит:

– Гляди, Лаврась, это, кажется, твоя старуха сюда идет! Не обернувшись к окну, Лаврась говорит:

– Да, это вероятно она идет. Ищет меня. Она у меня жутко беспокойная старуха. Чуть немножко задержусь, а она уже тревожится. Не понимает того, что есть дела поважней, чем что другое.

Внизу конверта Лаврась проводит черту и под ней пишет: "Письмо от колхозников деревни Мурзыели".

Уяр, Ф. Письмо : [рассказ] / Федор Уяр // Дружба. – Чебоксары, 1952. – Кн. 4. – С. 208-215.